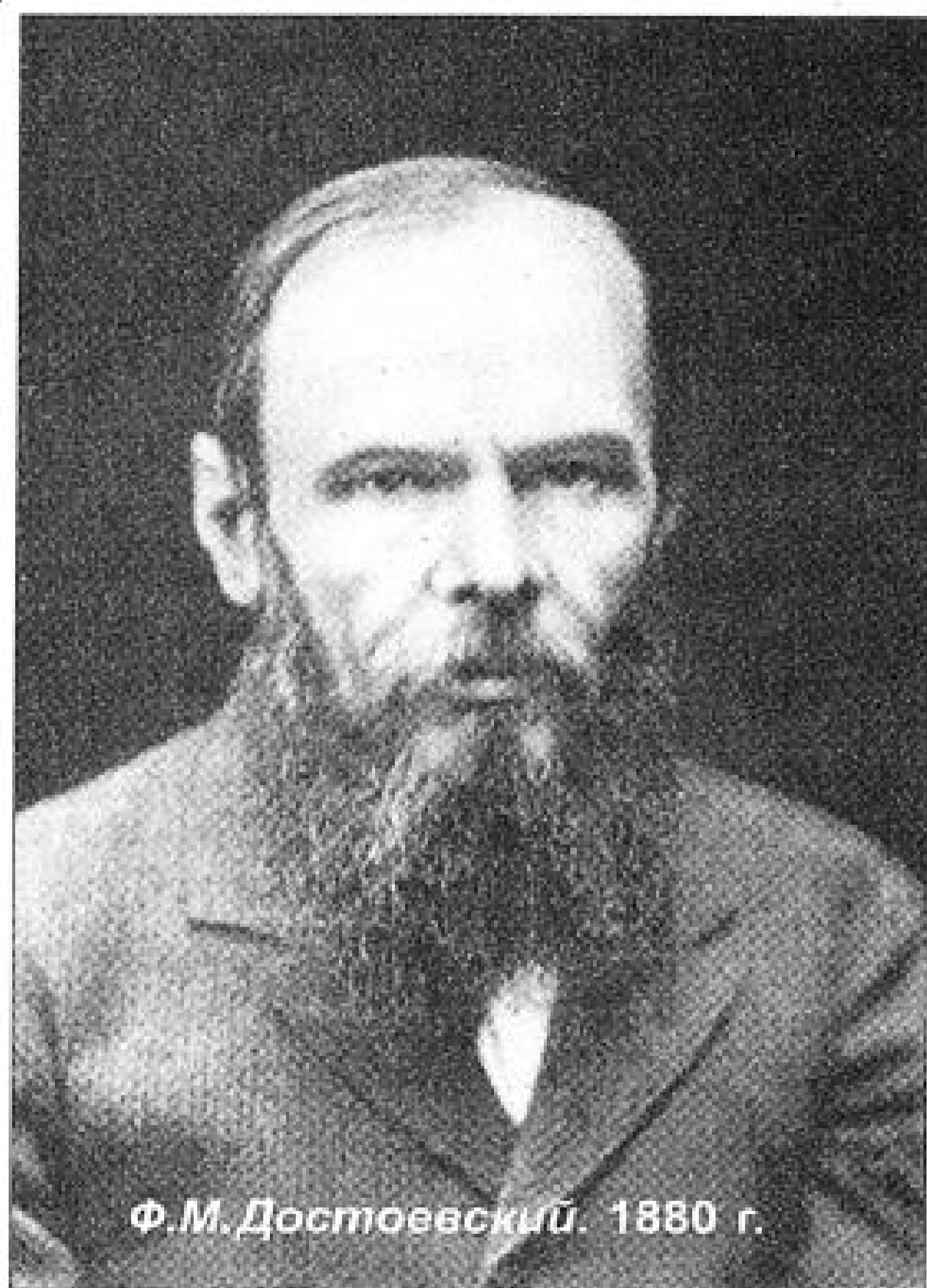

Киреев, Р. Достоевский на Семеновском плацу / Р. Киреев. — Текст : непосредственный // Наука и религия. — 2006. — №3. — С. 34–39. — (Семь великих смертей).

Ф. М. Достоевский. 1880 г.

Достоевский экспериментирует над своими героями, но вовсе не над собой. Больше того, он даже не исповедуется устами своих персонажей, не показывает через них свои страхи, как это делает Толстой (в той же «Смерти Ивана Ильича»), а утаивает себя, скрывает, виртуозно уходит в тень. Мережковский совершенно прав, когда пишет, что «этому, по-видимому, столь нескромному, даже как будто жестокому и циничному разоблачителю чужих сердец, в высшей степени свойственно относительно собственного сердца... целомудрие». Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать его многочисленные (в разлуке практически ежедневно писал) и такие пространные письма жене, Анне Григорьевне.

Какие это замечательные письма! В них проявляется не только целомудрие Федора Михайловича, но и его земная, такая трепетная забота о детях, о доме, о семейном достатке, который все-таки к концу жизни начал мало-помалу приходить. О быте... О том самом быте, к которому шагающий из угла в угол сутками напролет и довольствующийся почти одним чаем Кириллов совершенно равнодушен. Как, впрочем, и едва ли не все другие его герои. Никто из них не имеет вкуса к обыденной жизни, какой мы видим у толстовского Стивы Облонского, гончаровского Обломова или гоголевских старосветских помещиков. Все его главные герои живут на краю (Семеновский плац!) — на краю жизни или на краю смерти, что, кажется, одно и то же. А вот их создатель предпочитал места куда более благоустроенные. Пока его

Окончание очерка о Достоевском.
Начало цикла «Семь великих смертей»
(журнальный вариант) в № 6, 2005.

СЕМЬ ВЕЛИКИХ СМЕРТЕЙ

ДОСТОЕВСКИЙ.

Руслан КИРЕЕВ

НА СЕМЕНОВСКОМ ПЛАЦУ

персонажи стрелялись, вешались, ломали жизнь себе и окружающим, Достоевский с помощью Анны Григорьевны (и под ее незаметным руководством) старательно и увлеченно вил семейное гнездышко.

«Мы все здоровы и веселы, — писала она ему из Старой Руссы за границу, где он лечился. — Дорогой мой, не следует ли тебе остаться 5-ю неделю; мне бы страстно хотелось тебя видеть, но что портить лечение, не взяв полного курса. Ради Бога, спроси Орта, что тебе делать, и если он велит остаться, то оставайся *непрерывно*». Она это слово подчеркнула. И тут же заверила, зная его беспокойный характер: «А Дневник мы здесь напишем, я готова работать день и ночь, чтобы помогать тебе».

Примечательно это «мы». Не «ты напишешь», а «мы напишем»... Она трудилась самоотверженно и самоотверженно.

Анна Григорьевна продолжала это подвижническое служение мужу и после его смерти без малого четыре десятилетия. «Вдова должна и гробу быть верна». Ахматова считала эти вложенные в уста Доны Анны пушкинские слова ключевыми для понимания отношения поэта к жене — как к своей собственной, так и вообще к жене, и Достоевский наверняка бы с этим согласился. И наверняка остался бы доволен «гробовой» верностью своей поздней спутницы жизни. Сама графиня Софья Андреевна Толстая, овдовев, специально встречалась с Анной Григорьевной, чтобы перенять ее опыт по изданию произведений мужа...

«Я все, голубчик мой, думаю о моей смерти, — писал Достоевский жене примерно за полтора года до кончины, — и о том, с чем оставляю тебя и детей». Детей он оставлял с ней — этого оказалось достаточно, чтобы они ни в чем не знали нужды, но в его вырвавшихся из глубины души словах примечательно другое. Это был август 1879 года, самый разгар работы над «Братьями Карамазовыми», которых он называет в этом письме вещью трудной, рискованной и роковой; «она должна установить имя мое». И потому ее «надо кончить хорошо, ювелирски отделать...». Но все-таки главная его забота и душевная боль, главный его страх не о романе, который вдруг не успеет закончить, не об имени, а о детях. Этот приоритет жизни перед литературной

работой, сколь бы важна она ни была для него (а она для него была важна чрезвычайно, важнее, скажем, чем для позднего Льва Толстого), — приоритет перед именем (о чем позднему Толстому не приходилось заботиться совершенно) весьма характерен и показателен.

«Братья Карамазовы» были закончены в субботу 8 ноября 1880 года. В этот день, посылая эпилог романа в «Русский вестник», он писал его редактору Н.А.Любимову: «Ну вот и кончен роман! Работал его три года, печатал два — знаменательная для меня минута... Мне с Вами позвольте не прощаться. Ведь я намерен еще 20 лет жить и писать».

Что ж, вполне реально: неделю назад ему исполнилось пятьдесят девять. Однако оптимистический прогноз Достоевского не оправдался: жить ему оставалось не двадцать лет и даже не двадцать месяцев, а всего восемьдесят дней.

А вот относительно «Братьев Карамазовых» расчет Федора Михайловича оправдался полностью: уже в начале декабря роман вышел отдельным изданием, которое, пишет в своих «Воспоминаниях» Анна Григорьевна, «имело сразу громадный успех». За несколько дней публика раскупила половину трехтысячного тиража. «Это было, — заканчивает Анна Григорьевна главу, которая предшествует главе под названием «Смерть. Похороны», — последнее радостное событие в его столь богатой всяческими невзгодами жизни».

Да, «Карамазовы» окончательно «установили» его имя, но этому спешествовал невиданный триумф его речи о Пушкине, которую он произнес ровно за пять месяцев до окончания романа, утром 8 июня 1880 года, на заседании Общества любителей российской словесности. В тот же день, вернувшись к себе (Достоевский остановился в 33-м номере гостиницы «Лоскутная»), вместо того, чтобы лечь отдохнуть перед вечерним выступлением, на котором ему предстояло читать пушкинские стихи, он, хоть был «ужасно измучен, нравственно и физически», пишет подробное письмо жене в Старую Руссу.

«Зала была набита битком. Нет, Аня, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она (речь. — Ред.)».